

Лингвокультурный потенциал личных имен собственных (на материале русского и английского языков)

Вероника Викторовна Катермина, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Ключевые слова: лингвокультурология, имя собственное, национальный и социальный знак, метафора, метонимия, синекдоха

Key words: linguoculture, personal name, national and social sign, metaphor, metonymy, synecdoche

Исследования особенностей употребления личных имен собственных (ЛИС) в структуре того или иного социума позволяют утверждать, что единицы указанного типа, являясь культурными доминантами и функционируя в единицах номинации в микро- и макроконтекстах как национально-культурный компонент, помогают выявить особенности, характерные черты той или иной нации, того или иного типа языковой личности [Катермина 1998: 74].

Говоря об имени как национальном и социальном знаке, следует иметь в виду наличие полей в ономастике – определенной сферы соотнесенности имени. В речи эта граница определяется при помощи экстралингвистических знаний, которые являются необходимыми для правильного употребления и понимания имен. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени.

Национальное поле имени способствует более точному восприятию имен, более четкой их соотнесенности с определенной языковой подсистемой. Говоря о русских или английских именах, мы имеем в виду определенные языковые формы, характерные для русского/английского языка, и их соотнесение с русскими/английскими людьми.

Социальное поле антропонима – это языковое преломление экстралингвистических социальных отношений и закрепление их за определенными формами именования. Та или иная языковая форма имени может быть продиктована конкретной экстралингвистической ситуацией [Суперанская 1970: 16].

В речи, как правило, основное внимание обращается на внеязыковые ассоциации имен, из которых главное внимание принадлежит социальным факторам, которые находятся в неразрывной связи с историческими, национальными и культурными особенностями страны.

Номинанты с личными именами собственными тесно связаны с опытом человека, культурой и историей, мифологией и религией. Благодаря экспрессии ЛИС, в данных единицах можно выделить два типа идиоматичности – внутриязыковую и надъязыковую, последняя из которых создается благодаря культурно-историческим, социальным, фольклорным, религиозным влияниям человека.

В анализируемых единицах личное имя собственное – опорный знак, квинтэссенция, вывод и обобщение в виде метафоры, метонимии или синекдохи, за счет которых создается образ. Эта проблема детально рассмотрена в работах Т. Н. Кондратьевой, Г.П.Манушкиной-Лошак, В. Н. Телия и др.

Механизм метафоризации заключается в дезинтеграции единичного понятия, соответствующего конкретному денотату. Так, в номинанте *a Becky Sharp* –

«авантюристка, охотящаяся за богатым мужем» (*Becky Sharp* – героиня романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия») выделяется и обобщается одна, наиболее характерная черта проявления личности – авантюризм. Наполнившись «апеллятивным» содержанием, ЛИС расширило рамки номинации и приобрело свойство потенциальной соотнесенности с неограниченным числом денотатов (*Dorian Grey* – самовлюбленный эгоист; *Peter Pan* – инфантильный человек, нытик; *Tom Jones* – привлекательный повеса, а также *Иван Иванович* и *Иван Никифорович* – люди, постоянно ссорящиеся друг с другом; *Иван Непомнящий* – человек без убеждений и традиций; *Иудушка Головлев* – человек лицемерный, бездушный, пустословный; *Кифа Мокиевич* – человек, развивающий нелепые теории).

Также существуют номинанты, в которых признак эксплицируется за счет суггестивного элемента. Он наличествует, например, в единице *Peeping Tom* – чересчур любопытный человек. Суггестивным элементом в данном номинанте является прилагательное *peeping* (ср. также *doubting Thomas* – Фома неверный).

Некоторые единицы с антропоморфическим компонентом сформировались в результате особой разновидности метонимического переосмысления – синекдохи – тропа, «состоящего в замене названия целого названием какой-либо его части, в названии частного вместо названия общего и наоборот» (Ахманова 1966, 405). Так, перенос названия части на целое мы наблюдаем в единице *John Bull* – прозвище англичан.

Чаще всего личное имя собственное имеет так называемое репрезентативное, представительное значение. Вместо обобщающего местоимения «любой, всякий» с тем же значением употребляется то или иное распространенное личное имя собственное. Его выбор определяется либо звуковой формой (рифмой, аллитерацией) (*lazy Lawrence* – лентяй; *desperate Dick* – головорез; *sighing Sarah* – граната; *Box and Cox* – поочередно занимающие помещение; *Joe Blow* – амер. солдат), либо особой распространенностью данного имени (в нашем материале наиболее частотны Иван, John, Jack).

Личное имя собственное – номинант внешних и внутренних параметров человека (каноническое имя)

Не вызывает сомнений тот факт, что у каждой нации существуют свои представления о красоте, в частности, о физической привлекательности индивида. Проанализировав русские и английские единицы с антропоморфическим компонентом, мы пришли к выводу о приоритетности возрастной характеристики у англичан (*Johnny Newcome* – разг. новорожденный; *dame Partlet* – ирон. старая женщина; *old Nick* – старый человек; *Jane* – прост. девчонка) (в русских единицах такой критерий отсутствует).

Как показывают наши наблюдения, в анализируемых единицах отмечается необычайно высокий/низкий рост человека (*Полтора Ивана* – человек высокого роста; *Jack of legs* – необычайно высокий человек; *long Meg* – очень высокая женщина; *Tom Thumb* – разг. мальчик-с-пальчик). Следует отметить, что в последнем случае личное имя собственное является репрезентативным.

Общеизвестно, что наряду с представлениями о красоте, у каждого народа существует определенный набор морально-нравственных качеств, наиболее ценимых и превозносимых. В свете данного утверждения вполне закономерной представляется тенденция, в рамках которой противоположные черты осуждаются. Рассмотрим на типичных примерах, какие качества выделяются народом в качестве наиболее нетерпимых и порицаемых.

Как наглядно демонстрирует исследуемый материал, в русских единицах отрицательными, осуждаемыми качествами являются следующие:

плутовство (*Макар – плут*);

ложь, хвастовство (*Алеха – диал. лгун, хвастун; Алеша сельский – экспрес. хвастливый человек*);

пьянство (*Мишка – пьяница; Егоры – пьяницы, проходимцы*);

простота (*Ванька – прост. простодушный, недалекий человек; Макар – диал. простак; Мишуля – диал. простофиля; Филя – простофиля, простак*);

непохожесть на других (*Алеша Бесконвойный – странный человек*).

Для английского языка характерен иной набор единиц с семантикой «негативные черты»:

грубость, резкость, неотесанность (*John Blunt – грубый, резкий человек; John Trot – неотесанный парень, мужлан, деревенщина*);

неделовитость, неэнергичность (*weary Willie – неэнергичный, апатичный, вялый человек; Tom long – медлительный человек; John-a-dreams – мечтатель; Willy boy – маменькин сынок*);

наглость, беспринципность, подхалимство (*a smart Alec – самоуверенный человек, наглец, хлыщ; the Vicar of Bray – беспринципный человек, ренегат, приспособленец [по имени полулегендарного викария XVI века, четыре раза менявшего свою религию, и бывшего два раза католиком и два раза протестантом]; jackanapes – нахал, выскочка; Jack of both sides – человек, который служит и нашим, и вашим*);

ничтожность (*Jack Sprat – ничтожество, маленький человек; jack straw – ничтожество*);

шутовство, фиглярство (*Jack Pudding – шут, паяц, фигляр; Merry Andrew – шут, фигляр, гаер*);

чрезмерное любопытство (*Paul Pry – любопытный человек; Peeping Tom – чересчур любопытный человек*).

Отметим, что использование канонических имен в XIX столетии было характерной моделью для изображения физических черт и морально-нравственных качеств человека как для русской, так и для английской языковой личности.

Личное имя собственное – номинант внешних и
внутренних параметров человека
(религиозно-мифологический персонаж)

В рамках данного подраздела рассмотрим функционирование личных имен собственных в мифологических и библейских микротекстах, номинирующих внешние и внутренние параметры человека.

Личное имя собственное – мифологический персонаж

В рамках современного научного знания сложилось определение мифопоэтической модели мира как «сокращенного и упрощенного отображения всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров 1994: 161].

Данная дефиниция свидетельствует о том, что мир здесь, согласно вышеуказанной модели, выступает как человек и среда в их взаимодействии; это результат переработки информации о среде и о самом человеке. Мифопоэтическая модель мира восстанавливается на основании самых разнообразных источников – от данных палеонтологии до сведений по этнографии современных архаических коллективов, пережиточных представлений в сознании современного человека, данных, относящихся к языку, символике сновидений и более глубоких сфер бессознательного,

художественному творчеству и т.п., в которых могут быть обнаружены или реконструированы архаические структуры (включая и архетипы).

Большое число русских и английских единиц с антропоморфическим компонентом связано с античной мифологией, историей и литературой. В греческой, римской и финикийской мифологиях централизация мифологических образов происходит вокруг богов и их возлюбленных/любимых, поэтому не случайным является наличие единиц, называющих главных божеств, причем они рассматриваются с точки зрения внешности (как правило, это красота и молодость): *Венера/Venus* – рим. миф. богиня красоты и любви // очень красивая женщина; *Аполлон/Apollo* – др. греч. бог искусств и воплощение мужской красоты // красивый молодой человек; *Адонис/Adonis* – др.-финик. юноша необычайной красоты, возлюбленный *Венеры/Афродиты* // очень красивый человек; *Афродита/Aphrodite* – греч. миф. богиня красоты и любви // красивая женщина; *Парис/Paris* – греч. миф. сын *Приама*, олицетворение мужской красоты // красивый мужчина. И если называют человека именем бога или богини, обычно имеют в виду внешнюю красоту.

В ходе анализа личных имен собственных нами были выделены также единицы с антропоморфическим компонентом – мифологический персонаж, в которых либо порицаются, либо воспеваются определенные человеческие качества.

Исходя из наших наблюдений, как в русском, так и в английском языке осуждаются **эгоизм** (*Нарцисс/Narcissus* – самовлюбленный эгоист), **придирчивость** (*Мом/Motus* – греч. миф. бог злословия, изгнанный *Зевсом* с *Олимпа* // *придира*, критикан, брюзга) и **двуличие** (*двуликий Янус/double-faced Janus* – рим. миф. двуликое божество дверей // двуличный человек).

Как свидетельствуют приведенные далее примеры, считаются положительными и ценятся **верная дружба** (*Дамон и Пифий/Damon and Pythias* – неразлучные друзья; *Давид и Ионафан/David and Jonathan* – неразлучные и преданные друзья; *Кастор и Поллукс/Castor and Pollux* – братья-друзья), **опытность** (*Нестор/Nestor* – греч. миф. царь *Пилоса* // старейший и опытнейший деятель, патриарх какого-либо дела) и **бдительность** (*Аргус/Argus* – греч. миф. одноглазый великан, стерегущий возлюбленную *Зевса Ио* // бдительный страж).

В заключение анализа номинантов с компонентом ЛИС – именем мифологического персонажа – следует отметить, что данные единицы можно встретить как в русском, так и в английском языке, это говорит об их универсальности и распространенности в различных европейских культурах.

Личное имя собственное – библейский персонаж

Частотность употребления библеизмов в дискурсе языковой личности позволяет еще раз убедиться в том, что Библия – важнейший литературный источник многих единиц номинации в микроконтексте. Это выдающийся культурно-исторический памятник, в котором хранятся следы материальной и духовной культуры прошлого, отражается становление и смена нравственных ориентиров и общественных систем, далеко отстоящих от нас хронологически и территориально.

Многие библейские тексты, будучи многократно повторяемы в рамках церковных богослужений, а в светской практике – в качестве наиболее авторитетных цитаций, стали привычной принадлежностью речевого обихода. Процессу фразеологизации в значительной степени способствовало содержательное богатство библейских оборотов и изречений, их высокие эстетические достоинства. В своей массе это устойчивые фразы, выражающие подчеркнуто законченные мысли (мысли-итоги, мысли-выводы), переданные экспрессивно, в ярком и оригинальном языковом оформлении. Экспрессия, отточенный лаконизм большинства библейских выражений

обеспечивают возможность их переосмысления и дальнейшего содержательного обогащения.

В ходе анализа единиц с антропоморфическим компонентом, называющим человека, было установлено, что среди номинантов данного типа можно выделить группу слов, обозначающих темные силы и, соответственно, в своем переносном значении характеризующих безнравственных людей: *Велиар/Belial* – библ. сатана, дьявол // безнравственный человек; *Вельзевул/Beelzebub* – в Новом Завете глава демонов // отрицательная характеристика человека; *Люцифер/Lucifer* – в христианской мифологии одно из наименований сатаны // безнравственный человек; *Иуда Искариот/Judas Iscariot* – в Новом Завете ученик Христа, предавший его за 30 сребренников, указав на Христа своим поцелуем // предатель под личиной друга.

Библейское предание, изображающее в качестве первого «прельстившегося» плодом с дерева не «мужа», а «жену», используется для показа особой «греховности» женщины и обоснования ее «подчиненного» положения. Эта же тенденция проявляется на уровне языкового сознания: ни одна из отобранных единиц не указывает на противоположное. Ряд имен, называющих женщину, несет отрицательную оценку: *Ева/Eve* – любопытная женщина; *Далила/Delilah* – неверная, коварная женщина; *Иезавель/Jezebel* – бесстыдная, падшая или грубо накрашенная женщина (ср. также *the daughter of Jezebel* – разг. преступная, наглая женщина).

Как демонстрирует анализируемый материал, среди исследуемых библеизмов можно также встретить единицы, номинирующие человека по его возрасту, умениям и способностям: *Вениамин/Benjamin* – в Ветхом Завете младший сын Иакова // младший и самый любимый ребенок; *Иосиф/Joseph* – целомудренный юноша; *Мафусаил/Methuselah* – в Ветхом Завете дед Ноя, проживший 960 лет // Мафусаил, долгожитель; *Самсон/Samson* – в Ветхом Завете богатырь, борец с филистимлянами // силач; *Нимрод (Нимврод)/Nimro(u)d* – в Ветхом Завете богатырь, легендарный основатель Вавилона // умелый охотник, а также его характеру, морально-нравственным качествам. Следует отметить, что среди последних встречается название только отрицательных черт: *Варрава/Barabbas* – в Новом Завете разбойник и грабитель, которого помиловали вместо Христа // матерый разбойник или вор; *Анания/Ananias* – в Новом Завете член христианской общины; утаил от нее часть доходов // обманщик, лгун; *Иаков/Jacob* – в Ветхом Завете младший из сыновей Исаака и Ревекки; обманом получил у отца благословение // человек, который хитростью или силой присваивает чужие права, выживает или вытесняет кого-л.; *Иона/Jonah (Jonas)* – в Ветхом Завете пророк, ослушавшийся веления Бога и навлекший бурю на свой корабль // неудачник; человек, приносящий несчастье.

Итак, проведя анализ единиц с антропоморфическим компонентом, номинирующих человека по его внешним и внутренним параметрам, можно констатировать, что использование канонических имен как в русском, так и в английском языке для номинации природно-физических и морально-нравственных качеств человека достаточно частотно. Исследованные примеры позволяют утверждать, что к особенностям русской и английской языковых картин мира можно отнести отсутствие женских личных канонических имен собственных для характеристики человека (указание на его внешность и поведение). Одним из наиболее продуктивных приемов является создание образа человека по указанным параметрам при помощи мифологических и библейских имен.

Личное имя собственное – номинант взаимоотношений человека и общества

Если ранее нами было продемонстрировано, что номинация человека по его внешним и внутренним параметрам присуща и русским, и англичанам и выступает как универсальное явление, то далее нами будут показаны различия в русской и английской языковых картинах мира на примерах единиц, относящихся к семантическим группам «семья», «суд» и «профессии».

Семья

Семейные отношения, как известно, являются базой для раскрытия характера всякой нации. Важность семьи, коллективного сознания у русского народа выводится Ю.С.Степановым из этимологии самого русского слова «человек», которое, по его мнению, обозначает «того, кто принадлежит нашей большой семье» (Степанов 1997, 555).

Подтверждение этого мы находим у К.Д.Кавелина, который указывает на следующие отношения между людьми: «русские крестьяне помещика и всякого начальника называют отцом, себя – его детьми, младший старших – дядями, тетками, бабками; равных себе, людей одного поколения – братьями, сестрами» [Кавелин 1897: 10–11].

Разнообразие актуальных для русской языковой личности родственных отношений отражается и в многочисленных пословицах и поговорках (*Дядюшка Онисим, где твоя Онисья? Сидор Карпу родной терех; Наша-то Марья вашей-то Дарьи – двоюродная Прасковья; Федя-то дядя, а Кондрат мне брат; Хороша дочка Аннушка, когда хвалит мать да бабушка; Бабушка Варвара на весь мир серчала*).

Но, конечно, главными фигурами в семье являлись муж и жена. Следует отметить, что именем, характерным для мужа, является Иван, а для жены – Марья. *Иван да Марья – мужчина и женщина, муж и жена, супружеская пара*, как правило, крестьянская. Ср. также: *Не у всякого жена Марья, кому бог даст; Иван Марьи не слушается: сам приказывать горазд*.

Соответствующим аналогом Ивану и Марье в английской фразеологии является сочетание имен Jack and Jill. *Jack and Jill – парень и девушка; влюбленная пара*.

В отличие от русских единиц, в английском языке для номинации членов семьи выделяется компонент **муж, находящийся под башмаком у жены** (ср. *John Thomson's man; Tom Tyler*).

Суд

Принято считать, что отношение человека к обществу неминуемо включает в себя такую важную сферу деятельности, как отношения человека к человеку и человека к государству. Данный тип взаимодействия индивидуума и социального пространства, исходя из наших наблюдений, очень важен для понимания характера любой нации.

Продемонстрируем справедливость этого утверждения на примере номинантов с компонентом суд: в русских языковых единицах указанный выше процесс предстает как «существо», полностью лишенное «человечности», это отношения между человеком и бездушной государственной машиной.

Вполне естественным, на наш взгляд, является отсутствие русских номинантов с антропоморфическим компонентом, обозначающих лиц, вовлеченных в судебный процесс. Однако для подтверждения вышеуказанной мысли, нам представляется возможным привести примеры паремиологических единиц, в которых основным компонентом является слово «суд» («бездушное существо»), обладающее ярко выраженной отрицательной коннотацией: *В суд пойдешь – правды не найдешь; В суд*

ногой – в карман рукой; Все говорят, что по суду один будешь виноват; Суд по форме – судей покормить; Где суд, там и неправда.

В английском языке при анализе выражений с антропоморфическим компонентом наблюдается несколько иная тенденция: суд для англичанина не является безликим аппаратом, происходит номинация всех сторон и участников судебного процесса, и именно этим судебный процесс индивидуализируется, персонифицируется (*Daniel come to judgement – честный, пронизательный, праведный, нелюбимый судья [шекспировское выражение]; Jack-leg the lawyer – адвокат, берущийся за сомнительное дело; John-a-pokes and John-a-stiles – воображаемая сторона в судебном процессе; Jane Doe – Джейн Доу, условное наименование лица женского пола, чье имя неизвестно или по тем или иным причинам не оглашается; John Doe and Richard Doe – истец и ответчик*).

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что через номинацию суда можно выявить одно из самых больших различий в русской и английской языковых картинах мира: суд как государственный аппарат, предполагающий насилие, бесправие, несправедливость – у русских и персонифицированный судебный процесс, где все названо именами, все имеет свое лицо – у англичан.

Профессии

По нашим наблюдениям, одним из факторов, указывающих на национальную особенность разных народов, является наличие тех или иных национально-специфических профессий и нетипичных наименований для общеизвестных профессий. Как выяснено в ходе изучения, в русском языке можно выделить несколько ЛИС, перешедших в разряд нарицательных, которые означают профессии:

Ванька – легковой извозчик с плохой упряжкой [назвать простого живейного извозчика-москвича *ванькою* – значит нанести страшную обиду его амбиции].

Макар – 1) целовальник в питейном доме; 2) опытный рыбовод [«народная» этимология от голландского слова *maaker* – мастер].

Это, видимо, объясняется тем, что основная масса населения России, в силу ее аграрного развития, была крестьянской и не существовало профессионально-дифференцированного общества.

На примере английских номинантов (*Cheep Jack* – разг. бродячий разносчик; *Jack Tar* – английский матрос; *Johnny Newcome* – матрос; *Jack* – моряк; *peterman* – сл. рыбак) можно предположить, что выделению именно этих профессий, обозначенных с помощью ЛИС, способствовало особое географическое положение Англии, ее близость к морю. Наличие портовых городов неминуемо влекло за собой появление менее «почтенных» профессий (*jackeen* – уличный хулиган; *Molly* – проститутка; *brown Bess* – проститутка; *John/john* – клиент проститутки; *John Drawlatch* – вор; *St. Nicholas' clerk* – вор; *jack roller* – вор, грабящий пьяных; *peterclaimer* – поездной вор; *peter-biter* – вор-чемоданник).

Проведенный анализ русских и английских единиц с антропоморфическим компонентом, характеризующим человека по следующим параметрам: внешность, морально-нравственным качествам, социальному положению, а также профессиональной деятельности, – проиллюстрировал типичный для XIX в. способ показа природно-физических параметров человека, а также выделения его морально-нравственных качеств: и в русском, и в английском языке это использование канонических имен и имен в составе мифологизмов и библеизмов.

В ходе изучения было выявлено, что приоритетной внешней характеристикой для русского человека является рост; у англичан – рост и возраст.

К наиболее нетерпимым и порицаемым русской языковой личностью свойствам, как свидетельствуют рассмотренные примеры, относятся плутовство, ложь, хвастовство; простота, пьянство, непохожесть на других.

Для англичан это – грубость, резкость, неотесанность; неделовитость, неэнергичность; наглость, беспринципность, подхалимство; ничтожность; шутовство, фиглярство; чрезмерное любопытство.

Особо следует отметить отсутствие русских женских личных канонических имен собственных в номинации внешнего и внутреннего мира человека.

Анализ мифологизмов и библеизмов с антропоморфическим компонентом для описания внешних и внутренних параметров человека позволил установить общие закономерности для русской и английской языковых картин мира. В данных единицах отражены внешняя красота человека, его возраст, а также основные положительные и отрицательные морально-нравственные качества.

Путем исследования номинации человека через его отношение к обществу (то есть через употребление слов со значением «семья», «правовые отношения» и «профессиональная деятельность») возможно раскрытие особенностей языковых личностей России и Англии.

Представление русского суда как государственной безличной машины и название с помощью ЛИС всех сторон судебного процесса у англичан является ярким свидетельством разных отношений между человеком и государством, безразличием/заинтересованностью последнего в процветании своих граждан, отраженными в языковом сознании.

Рассмотренные примеры наглядно иллюстрируют тот факт, что номинация профессий также указывает на особенности развития двух стран.

Литература

КАВЕЛИН К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб., 1897.

КАТЕРМИНА В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.

СТЕПАНОВ Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

СУПЕРАНСКАЯ А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М., 1970. С. 7–17.

ТОПОРОВ В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1994. Т.2. С. 161–164.

Abstract

The article describes the key linguocultural features of English and Russian personal names in lexicology, phraseology and paremiology. It contains the detailed analysis of the functioning of personal names in the concept describing appearance, intellect of a person, the profession, the interconnection of a person with a society.